

Чуковский в Одессе

"Биография писателя и его творчество — неделимы. Нельзя изучать произведения, писать о них исследования и критические статьи, не зная до мельчайших подробностей жизнь писателя"¹, утверждал Корней Чуковский. О нем же самом до сих пор не известно все то, что обычно знают о выдающихся людях. Например, одесские адреса Чуковского.

На доме № 14 по Пантелеймоновской улице (бывш. Ново-Рыбная, Чижикова) установлена мемориальная доска, в тексте которой сказано, что здесь с 1883 по 1905 гг. жил К. Чуковский. Но, если сопоставить это утверждение с дневниковыми записями писателя, его автобиографическими заметками, оказывается, что и сам факт проживания по этому адресу сомнителен, и так долго он вообще нигде не жил.

Во-первых, Корней Иванович пишет, что ему было года три, когда семья переселилась в Одессу². Поскольку родился он в 1882 г., то момент переезда скорее можно отнести к 1885 году.

Во-вторых, в дневнике Чуковский называет три одесских адреса, и дома по Пантелеймоновской, 14 среди них нет, а этот перечень наверняка не исчерпывающий. (Очевидно, что время проживания в других местах исключается из указанного срока).

"Был на Ново-Рыбной, там, где прошло мое раннее детство. Дом номер шесть. Столбики еще целы — каменные у ворот. Я стоял у столбиков, и они были выше меня, а теперь... И даже калитка та самая, к-рую открывал Савелий. И двор. Даже голубятня осталась"³.

Называет Чуковский и дом Баршмана в Канатном переулке, "где прошла моя мутная и раздоребжежонная молодость. Дом Баршмана! Я заплакал бы, если бы увидел его. Там я прочел Бокля, Дарвина, Маркса, Михайловского, там я писал первые стихи, там вообще наметился пунктиром я нынешний. [...] Там я учился английскому языку"⁴. Английский язык Чуковский начал изучать в 17 лет⁵, стало быть, — в 1899 г., а жил он с матерью по этому адресу уже на момент переписи населения 28 января 1897 г⁶.

"Канатный пер., д. № 3 (Баршмана), кв.10.

Ф. И. О.	Корнейчукова Екатерина Осиповна	Корнейчуков Николай Степанович
Пол	ж.	м.

Как записанный приходится главе хозяйства и главе семьи	хозяйка	сын незаконнорожденный
Минуло лет	41	14
Сем. пол.	д.	х.
Сосл.	крест.	крест.
Где родился	Херсонск. губ. Ананьев. Уезд д. Гамбурово волости Кондратовской	С-Петербург.
Где приписан	Херсонск. губ. Ананьев. Уезд д. Гамбурово волости Кондратовской	Херсонск. губ. Ананьев. Уезд д. Гамбурово волости Кондратовской
Место жит.	здесь	здесь
Вероисп.	прав.	прав.
Род. яз.	р.	р.
Умеет ли читать	да	да
Где обучался	дома	в гимназии
Главное, то есть то, которое доставляет главные ср-ва для существ.	швея	при матери

Наконец, точно известен еще один адрес. Где-то в конце мая — начале июня 1903 г. Чуковский уехал в Лондон (27 мая он еще в Одессе⁷, а первая заграничная публикация датирована 6 июня⁸), а вернулся в сентябре 1904 г. "к маме и жене на Базарную улицу"⁹. Не включись он в работу Литературно-артистического общества и не будь бдительного надзора городских властей за деятельностью общественных организаций, номер дома, возможно, так и остался бы не установленным. Но, по существующему порядку, правление общества обязано было сообщать градоначальнику тему предстоящего собрания, указывать всех выступающих и краткие сведения о них. В извещении, отправленном 2 декабря 1904 г., читаем:

"Правление Лит.-Арт. Общ-ва имеет честь довести до сведения Вашего Превосх., что 9 декабря 1904 г. в четверг в помещении Общества будет Литературное собеседование на тему: "Из истории печати в Англии".

Сообщение на эту тему делает сотрудник журнала "Весы" Н.Е. Корнейчуков (К. Чуковский), проживающий на Базарной улице в д. № 2.

Предс. Литвицкий

Секр. Герцо-Виноградский¹⁰.

Весной 1905 г. Чуковский уехал в Петербург, т.е. прожил он на Базарной, 2 недолго. Но это единственный из известных уцелевший дом. (Дома по Пантелеймоновской, 6 и Канатному пер., 3 не сохранились). Кроме того, возможно, именно в нем родился другой будущий писатель — Николай Корнеевич Чуковский. Он был крещен рядом, в Скорбященской церкви Стурдзовской общины. В части "о родившихся" метрической книги записано:

"1904 г. 20 мая рожден, 20 июня крещен Николай.

Родители: Не приписанный ни к какому обществу Николай Васильев Корнейчуков и законная жена его Мария Борисова дочь, оба православные.

Восприемники: греческо-подданный врач Спиридон Герасимов Макри и народная учительница Олимпиада Прохорова Мартынова.

Таинство крещения совершил

Протоирей Михаил Марченко¹¹.

Этот документ интересен, главным образом, именами восприемников. В дневнике Чуковского есть запись, которая раньше вызывала недоумение: "Она [мама] мне рассказывала (превосходно, с хохлацким юмором), как Маруся и Липочка живут вместе. [...] Все Липочкины мнения, вкусы, симпатии от Маруси. И когда они поселились вместе, оказалось что у Липочки такой же самый портрет Шаляпина, такой же самый портрет Чехова, Достоевского, Коленьки и т.д."¹². С портретами Чехова и Достоевского было понятно: куплены в писчебумажном магазине. Но почему коленькин? Метрическая же запись разъяснила, что марусина подруга Липочка — это коленькина крестная Олимпиада Прохорова Мартынова.

Другой восприемник, Спиридон Макри, участвовал в семейном торжестве Корнейчуковых не впервые. И знакомство было давним: Н. и С. Макри принадлежали дома № 6 и № 14 по Ново-Рыбной улице¹³. Спиридон Герасимович учился на медицинском факультете Юрьевского университета с перерывом в 1899-1900 гг., когда его имя часто встречается в списках лиц, состоящих под негласным надзором полиции¹⁴. (В автобиографической повести Чуковского Спира Макри фигурирует именно как студент медицины). После окончания курса он побывал судебным врачом¹⁵, тюремным¹⁶, практиковал как специалист по "внутренним и хирургическим болезням"¹⁷.

В 1903 г. С. Макри стал крестным отцом невесты Корнея Ивановича и свидетелем на его свадьбе.

***

Возможно оттого, что Чуковский был женат только раз, это событие обойдено вниманием исследователей. (Интерес обычно пропорционален количеству жен). Сам он тоже в подробности не вдавался. Хотя Маша в дневнике появляется с первой страницы, записи о ней очень скупы и целомудренны. И в июле 1903 г. только констатация: "Маша — моя жена"¹⁸. Лишь через тридцать три года, приехав в Одессу и побывав у дома, где когда-то жила его возлюбленная, он вспоминает: "Мы здесь бушевали когда-то любовью"¹⁹. И после похорон жены записывает: "Смотрю на это обожаемое лицо в гробу [...], которое я столько целовал — и чувствую, будто меня везут на эшафот. [...] Хожу каждый день на могилу и вспоминаю умершую:[...] вот она в бархатной кофточке, и я помню даже запах этой кофточки (и влюблен в него), вот наши свидания за вокзалом, у Куликова поля [...], вот она на Ланжероне, мы идем с ней на рассвете домой, вот ее отец за французской газетой [...]"²⁰.

Родители избранником дочери не были довольны.

(Объяснение этому найти легко: молодой, православный, бедный... Отец Марии Борисовны служил бухгалтером в частной конторе. Большая семья²¹, может, и не была богатой, но не бедствовала, а жених-то совсем голь перекатная, байстрюк). Чуковский рассказал однажды, что Мария Борисовна прибежала к нему в одном платье, крестилась, чтобы обвенчаться с ним²². Видимо, "побег" был вызван тем, что Чуковского командировали в Англию, и договориться по-хорошему не успевали.

Корней Иванович вспоминал, что "на свадьбу пришли все одесские журналисты"²³. Двое из них стали поручителями со стороны жениха.

Метрическая книга Крестовоздвиженской церкви:

"1903 г. 24 мая крещена Мария.

На основании указа Херс[онской] Дух[овной] консист[ории] от 16 мая 1903 г. за № 5825 просвещена св. крещением одесская мещанка Мария Аронова-Берова Гольдфельд, иудейского закона, родившаяся 6 июня 1880 г. во св. крещении наречена именем Мария[...].

Восприемники: врач Спиридон Герасимов Макри и учительница Ольга Иоановна Рябченко²⁴.

"1903 г. 26 мая.

Жених: Ни к какому обществу не приписанный Николай Васильев Корнейчуков, православ. вероисп., первым браком, 21 года.

Невеста: Одесская мещанка Мария Борисова Гольдфельд, православного вероисповед., первым браком, 23 лет.

Поручители. По женихе: бывший студент Александр Сергеев Вознесенский и Никопольский мещанин Владимир Евгеньев Жаботинский; по невесте: Одесский мещанин Юлий Абрамов Ямпольский и врач Спиридон Герасимов Макри.

Выпись выдана 27 мая"²⁵.

Восприемница Марии Борисовны — Ольга Ивановна Рябченко — учительница церковно-приходской школы при епархиальном училище²⁶, скорее всего, марусина подруга.

Знакомство с поручителем Ю.А. Ямпольским объяснить сложнее. Ему в 1903 г. было 66-67 лет. Причастность к литературе не просматривается. В листе переписи населения в графе о средствах для существования означено: "Управляющий домами"²⁷.

А.С. Вознесенский в то время был начинающим литератором, работающим во всех жанрах: поэзия, проза, критика, драматургия... (Позже добавилась деятельность в кино). Сохранилось два отзыва, относящихся к раннему периоду: воспоминания самого Чуковского и полицейское донесение, представленное в канцелярию одесского градоначальника в связи с предстоящим выступлением в литературно-артистическом обществе: "...Вознесенский, как оказалось по собранным сведениям, есть бывший студент Московского университета, сын коммерции советника Александр Сергеевич Бродский, 24 лет, лютеранского вероисповедания, поведения хорошего, судимостям не подвергался и ни в чем предосудительном замечен не был.

21 октября 1904 года.

Пристав Бульварного Полицейского уч. г. Одессы"²⁸.

А вот как написал о нем в 1968 г. К. Чуковский:

"В "Одесских Новостях" был сотрудник Ал. Вознесенский (Бродский) мой коллега. Он писал эффектные статьи (например, "У меня болит нога"), был мужем Юреновой, переводил пьесы Пшибышевского, хотя не знал польского языка.

Вообще Вознесенский был ушиблен Ницшеанством, символизмом, но не лишен дарования"²⁹.

Знакомство с Жаботинским началось, как вспоминал Чуковский, еще в детском саду мадам Бухтеевой: "Мы маршировали под музыку, рисовали картинки. Самым старшим из нас был кучерявый, с негритянскими губами мальчишка, которого звали Володя Жаботинский. Вот когда я по-

знакомился с будущим национальным героем Израиля — в 1888 или 1889 годах!"³⁰

Потом оба учились во 2-й прогимназии.

О школьных годах очень интересные воспоминания оставил Л.Р. Коган³¹. Рассказал он, в числе прочего, и историю исключения этих друзей-одноклассников из гимназии за издание рукописного журнала. Правда, Лев Рудольфович называет Чуковского шестиклассником, а Корней Иванович в автобиографии пишет, что был исключен из пятого класса³², но пятый-шестой — разница небольшая, легко предположить, что мемуарист чуть спутал. Однако, все не так просто. Воспоминания Когана вызывают и другие вопросы.

Сначала о гимназии. Это учебное заведение начало существование как Одесская 2-я прогимназия с четырехгодичным курсом обучения³³. Позже она стала шестиклассной³⁴, а с 1898 г. была преобразована в 5-ю гимназию (т.е. восьмиклассное учебное заведение, дающее среднее образование), и переехала из дома Францова (№ 18) на Пушкинской улице в специально отстроенное для нее здание на Ново-Рыбной, 13³⁵.

В воспоминаниях о Борисе Житкове Чуковский пишет, что они учились в одном классе 2-й прогимназии³⁶. Известно, что Житков поступил в 1-й класс в 1892 г.³⁷ 5-й класс, следовательно, приходится на 1896/97 учебный год. Значит, Чуковского исключили не позже мая 1897 г. еще из прогимназии (находившейся на Пушкинской). Так пишет и литературовед М. Петровский³⁸, лично знавший Чуковского.

Но Коган подчеркивает, что описанные им события происходили уже в новом здании. И существует метрическая запись от декабря 1897 г., где восприемник Николай Мануилович Корнейчуков записан учеником гимназии³⁹.

Среди реальных персонажей автобиографической повести Чуковского есть классный наставник Флеров. В списках педагогов 2-й прогимназии его имя впервые появляется в адрес-календаре на 1898 год, который готовился к печати осенью 1897 г., когда Чуковский был, вроде бы, уже исключен. Тогда он не должен знать Флерова. Но знал. Значит, был исключен позже?

Приехав в 1936 г. в Одессу, Чуковский, вспоминая прошедшие здесь детство и юность, перебирая адреса, пишет: "Вот одесская 2[-я] прогимназия, где я учился. В эту прогимназию я побежал раньше всего. [...] Где была подлая пятая гимназия, — там институт"⁴⁰. Если его выгнали из прогимназии, то почему ее он вспоминает с любовью, а гимназию, к которой не имеет отношения, называет подлой?

Если бы Чуковского не выгнали из гимназии, то он окончил бы ее вместе с Житковым в 1900 г.⁴¹ Коган окончил гимназию в 1903 г.⁴², т.е. у них три класса разницы, а в воспоминаниях он пишет о Чуковском и себе "шестиклассник и четырехклассник".

Еще одно расхождение. У Когана: "Корнейчуков как-то добился перевода в другую гимназию, которую и окончил...". В дневнике у Чуковского: "2 марта 1901 г. М.б. нужно мне кончать гимназию"⁴³.

Наконец, Чуковский и Жаботинский в одном классе не учились. В автобиографической "Повести моих дней" о своем образовании Владимир Евгеньевич сообщает, что в семь лет он поступил в двухклассную частную школу, а по окончании ее "меня приняли в подготовительный класс второй прогимназии, курс обучения которой я завершил в возрасте 14 с половиной лет и перешел в пятый класс Ришельевской гимназии"⁴⁴. Жаботинский родился 5 октября 1880 г.⁴⁵ Четырнадцать с половиной лет приходятся на весну 1894 г. Это соответствует тогдашнему четырехклассному курсу прогимназии. Чуковский с Житковым весной 1894 г. закончили 2-й класс. О 5-й гимназии в повести Жаботинского нет ни слова.

Чуковский как-то сказал, что мемуаристы всё врут⁴⁶. Правда, это высказывание приводит тоже мемуарист. Но, действительно, воспоминания часто не совпадают с документально удостоверенными фактами. И это одна из причин, по какой сведения о дружбе этих писателей так и останутся отрывочными.

Сам Корней Иванович, понятно, не мог рассказать о Владимире Жаботинском, как рассказал о Борисе Житкове. Только в статье "Как я стал писателем", да и там без указания имени, написал: "Моей философией заинтересовался один из моих школьных товарищей, он был так добр, что пришел ко мне на чердак, и я ему первому прочитал несколько глав из этой своей сумасшедшей книги [...]. Он слушал, слушал и, когда я окончил, сказал: "А знаешь ли ты, что вот эту главу можно было бы напечатать в газете? Это там, где я говорил об искусстве. Он взял ее и отнес в редакцию газеты "Одесские новости", и, к моему восхищению, к моей величайшей радости и гордости, эта статья появилась там..."⁴⁷.

Жаботинский о своей причастности к началу журналистской карьеры Чуковского умолчал. "Редактор Хейфец умел подбирать способных молодых людей, — написал он, — под его крылышком начали свою литературную деятельность Кармен, [...] и Корней Чуковский... Когда мы входили с ними в кафе, соседи перешептывались друг с другом: может, было бы лучше, если бы мы не слышали, что они шептали, но поверьте мне, они пе-

ли нам дифирамбы, и Кармен подкручивал кончики своих желтых усов, Чуковский проливал свой стакан на землю, ибо его чрезмерная скромность не позволяла ему сохранять спокойствие духа, а я в знак равнодушия выпячивал нижнюю губу..."⁴⁸.

Незадолго до женитьбы Чуковского произошла история, описанная Н.М. Осиповичем⁴⁹. Была арестована сестра Бориса Житкова — Надежда. В общем разговоре в буфете литературно-художественного общества Корней Иванович прямо назвал виновником ареста журналиста, бывшего политического ссыльного Г.П. Хавкина. Разгорелся скандал, самые горячие сторонники Хавкина предлагали дуэль. Ограничились третейским судом. И судьей со стороны Чуковского был выбран Владимир Евгеньевич Жаботинский. Победителем, правда, вышел Хавкин, хоть позже и выяснилось, что он действительно был провокатором, но зато сохранился дом, где проходило судебное разбирательство — № 12 по Базарной улице, — еще один адрес к небольшому списку известных и уцелевших памятных мест, связанных с пребыванием в Одессе этих друзей-писателей.

В сведениях об отношениях Чуковского с Жаботинским после мая 1903 г. большой провал. М. Золотоносов пишет, что последний раз они виделись в 1916 г.⁵⁰

В дневнике Корнея Ивановича имя Жаботинского появляется только в 1964 г.: "Влад. Жаботинский (впоследствии сионист) сказал обо мне в 1902 году:

"Чуковский Корней
Таланта хваленого
В 2 раза длинней
Столба телефонного"⁵¹.

А из переписки с Р. Марголиной, завязавшейся в 1965 г., выясняется, что все это время он хранил рукописи Жаботинского⁵². Любому человеку, побывавшему советским, понятно, что это подвиг.

В автобиографической повести Чуковского, написанной в 1937 г., есть персонаж — доктор Копп. Врач такой существовал. В газетах тех лет печатались объявления: "Доктор Копп. Прием по внутренним и детским болезням [...]"⁵³. Он ли лечил болевшего scarлатиной Колю Корнейчукова — неизвестно. Но зато известно, что Фаддеем Моисеевичем Коппом был мужем родной сестры Вл. Жаботинского⁵⁴. Почему Чуковский назвал именно его? Спокойнее было бы дать врачу другую фамилию, не связанную с эмигрантом, да еще и лидером сионистского движения. При этом Копп не единственная и не самая крамольная фигура среди персонажей повести. Но об этом речь впереди.

***

Нельзя не заметить, что в документах Чуковского всякий раз указываются разные отчества (Степанович, Мануилович, Васильевич, Н.Е. Корнейчуков). Какое правильное? По метрике он был Николай Корнейчуков — незаконнорожденным отчества не полагалось. Но ведь отец существовал. Лидия Корнеевна Чуковская писала об этом так: "О дедушке, папином папе, в нашей семье не говорилось никогда, ни при каких обстоятельствах, ни в какие времена, ни по какому поводу [...]. Помню однажды в Куоккале, когда мне было, вероятно, лет шесть, а Коле девять, наша мама, Мария Борисовна, внезапно позвала нас к себе в спальню, плотно закрыла дверь и, как нам представлялось, ни с того ни с сего сказала: "Запомните дети, спрашивать папу о его папе, вашем дедушке, нельзя. Никогда не спрашивайте ничего"⁵⁵.

Молчание продолжалось и много позже. В комментариях к "Дневнику" Чуковского, автор которых его внучка, даже не указано отчество старшей сестры Корнея Ивановича. Написано, что она Корнейчукова Мария, Маруся, по мужу Лури⁵⁶. Но в дореволюционных справочниках, куда Маруся попала, отчество есть. Во "Всея Одессе" на 1911 г. в числе преподавателей Пересыпского училища № 11-12 значится "Корнейчукова Мар. Ман."⁵⁷. В списке служащих в Одесском учебном округе на 1911-1912 гг. в Пересыпском училище — "Лури Мария Мануиловна"⁵⁸. Во "Всея Одессе" на 1914 г. — "Лури Мар. Мануил.", Пересыпское уч. № 11-12⁵⁹.

В 1915 г. в Свято-Троицкой греческой церкви была крещена марусина дочь:

"17 августа рождена, 27 сентября крещена Екатерина.

Родители: Греческоподанный Елевферий Анастасиев Лури и законная жена его Мария Эмануилова урожденная Корничукова, оба православные.

Восприемники: Военный врач Спиридон Герасимов Макри и народная учительница девица Олимпиада Прохорова Мартынова⁶⁰. (Искажения имен собственных в метрических книгах нередки, т.к. записи делались, видимо, со слов).

Кто же был отцом Корнея Чуковского? Этот человек, безусловно, сыграл роль в судьбе будущего писателя. Отрицательную. Он не только не узаконил детей, но и совсем оставил семью, когда мальчику было три года⁶¹. "Он, каким он был, был создан своей покинутостью", — писала об отце Лидия Чуковская⁶². Об этом есть пронзительная страница в дневнике самого Корнея Ивановича.

"Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) — был самым нецельным непростым человеком на земле [...]. Мне казалось [...], что я единственный — незаконный, что все у меня за спиной перешептываются и что когда я показываю кому-нибудь (дворнику, швейцару) свои документы, все внутренне начинают плевать на меня. [...] Когда дети говорили о своих отцах, дедах, бабках, я только краснел, мялся, лгал, путал. [...] Особенно мучительно было мне в 16-17 лет, когда молодых людей начинают вместо простого имени называть именем-отчеством. Помню, как клоунски я просил даже при первом знакомстве — уже усатый — "зовите меня просто Колей", "а я Коля" и т.д. Это казалось шутовством, но это была боль. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь — никогда не показывать людям себя — отсюда, отсюда пошло все остальное"⁶³.

Существует легенда, что отцом Чуковского был некий Левенсон, сын владельца не то типографий, не то фотографий, всячески старавшегося разлучить сына с крестьянкой и с этой целью гонявшего его по филиалам в разные города и в том числе в Баку.

В Государственном архиве Одесской области был обнаружен любопытный документ: свидетельство на проживание, выданное Потомственному Почетному Гражданину Эмануилу Соломоновичу Левенсону, 1851 года рождения⁶⁴. Обратила на себя внимание не фамилия. И не имя, хотя оно совпадает с марусиным отчеством. Бросилась в глаза недатированная запись: "Д. № 14 кв. 22 по Пантелеймоновской". (Именно по этому адресу в Одессе установлена мемориальная доска). Правда, Ново-Рыбную переименовали в Пантелеймоновскую в 1909 г.⁶⁵, а архивное дело — 1888 г., но эта запись заставила повнимательнее прочитать все остальное.

В свидетельстве 31 отметка о регистрации местожительства с 1879 по 1885 гг. Некоторые записи недатированные. (Напомню, что Маруся родилась в 1879 г., Чуковский — в 1882, а в 1885 г. Екатерина Осиповна с детьми переехала из Петербурга в Одессу). Адреса преимущественно одесские и петербургские, среди прочих есть и бакинский штамп 1882 г.

Ленинградский исследователь Шубин, нашедший в метрической книге Владимирской церкви Санкт-Петербурга запись о крещении Николая Корнейчукова, пишет: "Чуковский вспоминал, что мать его жила недалеко от Владимирской церкви и "Пяти углов", [...] куда выходят улицы Разъезжая, [...] Троицкая и Чернышов переулок, т.е., по-видимому, на Загородном проспекте"⁶⁶. Среди петербургских адресов в паспорте Э. Левенсона Разъезжая, 15 встречается трижды: 02.09.81, 19.01.82 и один раз без даты.

При анализе остальных петербургских адресов обнаружилось, что д. № 21 (Тупикова) по Литейному проспекту находится на углу с Пантелеймоновской улицей. А по Пантелеймоновской улице дом Тупикова значится под № 14⁶⁷. То есть, это один и тот же угловой дом, и вопрос о том, как в деле 1888 г. появилась запись 1909 г., снимается. Запись "Пантелеймоновская, д. № 14" была сделана в Петербурге в 80-х годах. И тут возможны два варианта: или это дьявольское совпадение, или здесь исток заблуждения, объяснение, почему в Одессе мемориальная доска появилась там, где она сейчас висит. Ведь ни одного внятного подтверждения этого адреса нет.

Теперь и слова "кто я? еврей? русский? украинец?" уже не кажутся случайным набором национальностей, а приобретают конкретность: отец — еврей, мать — украинка, а по языку и культуре он чувствовал себя русским. Это, конечно, косвенная "улика", но она вписывается в общую картину.

"У меня никогда не было такой роскоши как отец или хотя бы дед"⁶⁸. А ведь дед существовал: Соломон Михайлович Левенсон — врач, возведенный в 1872 г. в Потомственное Почетное Гражданство⁶⁹.

Была и бабушка, были многочисленные дядя и тетки. Но они отказались от мальчика.

***

Боль от своей детской покинутости Чуковский выплеснул в автобиографической повести, изначально названной "Секрет"⁷⁰. Работу над ней он начал в 1936 г.⁷¹, когда уже не было ни мамы, ни сестры. В апреле 1937 г. специально ездил в Одессу, чтобы "нахватать впечатлений"⁷². В ноябре того же года записывает: "Повесть моя движется медленно. Я еще не кончил главы Дракондиди. Впереди самое трудное"⁷³.

Впереди был рассказ о маминном секрете, из-за которого и случались с героями все беды.

"Из-за него мама в густонаселенном дворе жила как в безлюдной пустыне"⁷⁴. "Дворник Савелий, ленивое и колченогое чучело, ломавший шапку перед каждым жильцом, при встрече с мамой не только не кланялся ей, но еще сильнее нахлобучивал шапку на лоб"⁷⁵. "Из-за этого секрета однажды, когда к нам пришел какой-то "Щупак из Варшавы" и тихо сказал ей какое-то слово, она прожгла утюгом наволочку мадам Чумаченко (потому что как раз в это время стояла у гладильной доски), а когда "Щупак из Варшавы" ушел, села на пол и стала раскачиваться и все хотела выговорить какое-то слово, но губы у нее заоченели, как на сильном морозе,

и у нее выходило одно "вить, вить, вить, вить"⁷⁶.

Из-за этого секрета мальчик рос с мыслью: "Мы не как все люди, мы хуже, мы самые низкие"⁷⁷, — это из воспоминаний Чуковского. Похожие слова есть в повести: "Я начал догадываться, что мы хуже других, что в нашей жизни есть что-то стыдное..."⁷⁸.

Повторения вариантов одной и той же ситуации и в повести, и в дневнике, и в других произведениях — нередки. Например, в "Нынешнем Евгении Онегине", написанном в 1904 г.:

"Ты, помнишь, привязал бечевку
К его ноге, пиша диктовку,
Дабы при каждой запятой
Он дергал связанной ногой.
Вы это звали телефоном..."⁷⁹.

В дневнике: "7 сент. 1930 г. Я плел ей [Мурочке] все, что приходило в голову, — о Житкове, о Юнгмейстере, о моем "телефоне для безошибочного писания диктовки"⁸⁰. В повести этот эпизод развернут в целую главу, так и названную: "Телефон". Ясно, что в основе лежит подлинное событие.

Но надо ли объяснять, что автобиографическая повесть — не свидетельские показания. Сам жанр предполагает переплетение действительности с вымыслом. Скажем, реальный гастрономический магазин братьев Сарафановых, находившийся на Б. Арнаутской, 27 (угол Канатной)⁸¹, "смещен" Чуковским на угол Канатной и Рыбной⁸². Мебельную фабрику Кайзера, которая существовала на улице Новой⁸³, он называет мастерской и "переносит" на угол Новой и Канатной⁸⁴, в действительности параллельных.

Поп Мелетий⁸⁵, Прошка⁸⁶, географ Василий Никитич Волков⁸⁷, Муня Блохин⁸⁸ — это персонажи реальные. Но, как писала Т. Габбе, в книге о себе "нельзя попросту упоминать своих знакомых и друзей. Все они обязаны быть действующими лицами в том спектакле, который вы ведете"⁸⁹.

К одному из таких действующих лиц можно отнести Тимошу. Сын портового чиновника, приехавший с севера. В порту и живет. Мать — пианистка. Деспотичный отец, поссорившись с нею, изводит ее молчанием. Это все в точности соответствует описанию семьи Б. Житкова⁹⁰. Но сам Борис — волевой, уверенный, требовательный — не имеет ничего общего с мягким, застенчивым заикой Тимошей.

Вряд ли можно проверить, существовала ли купчиха Жеребцова, сказавшая Марусе: "Неужели вы думаете, что с таким аттестатом вас примут

в какой-нибудь порядочный дом?"⁹¹ Возможно, этот эпизод только художественное переложение дневниковой записи 1925 года: "Помню, каким позорным клеймом, издевательством показался мне аттестат Маруси-сестры, лучшей ученицы нашей Епархиальной школы, в этом аттестате написано: дочь крестьянки Мария (без отчества) Корнейчукова — показала отличные успехи. Я и сейчас помню, что это отсутствие отчества сделало ту строчку, где вписывается имя и звание ученицы, короче, чем ей полагалось, чем было у других — и это пронзило меня стыдом"⁹². Раз Чуковский и через 29 лет, и через 41 год возвращался к случившемуся в 1896 году, — значит, пережитое мучило его все это время. Вот что важно. А была ли Жеребцова, и так ли точно было сформулировано — сути не меняет.

Но есть в повести несовпадения другого рода.

Муня Блохин живет "за Курганами"⁹³. Какие в Одессе курганы и почему с большой буквы? Достаточно написать это загадочное название некаллиграфическим почерком, чтобы понять, в чем дело. Наверняка, в рукописи было "за Курсаками"⁹⁴, но тот, кто в Ленинграде ее перепечатывал, этого слова, естественно, не знал, и прочитал "за Курганами".

В начале эпизода с Павловскими зданиями дешевых квартир Чуковский пишет, что ему "было лет семь"⁹⁵, а заканчивает — "уже тогда, шестилетним ребенком"⁹⁶.

Гимназию называет то пятой⁹⁷, — то шестой⁹⁸. Класс, из которого его исключили, опять же, то пятый⁹⁹ — то шестой¹⁰⁰.

Небольшие сдвиги в датах есть и в дневниках Чуковского. Там они явно вызваны эмоциональным состоянием. Например, сразу после смерти сына он записывает: "Коленька! С той минуты как Мария Борисовна в 1905 году показала его..."¹⁰¹. Понятно, что это от горя. Корней Иванович вернулся из Лондона в сентябре 1904 г. и невозможно предположить, что младенца несколько месяцев скрывали от отца, или что Чуковский пытался убавить на год возраст покойного.

Но ведь "Секрет" — не дневник, а повесть. Известно, каким вездливым читателем и редактором был Чуковский. "Его безошибочный глаз и безотказный слух действовали как сверхчувствительные приборы, от которых не могли спрятаться никакая ошибка, никакой ляпсус, никакая неряшливость"¹⁰². Как же он пропустил столько огрехов? Загадка.

"Секрет" был опубликован в журнале "Пионер" в №№ 2-4 за 1938 год.

В том же году повесть вышла книгой под названием "Гимназия" с приложением из трех глав: о царе, министре Делянове с его указом о "кухаркиных детях" и статистическими сведениями о результатах исполнения

указа. Это несколько сместило акцент на главное сюжетное событие — исключение героя из гимназии.

Автор навел порядок с цифрами, "переселил" Муню на Молдаванку¹⁰³, чтобы не путать таинственными "Курганами".

Прибавил эпизоды обид и унижений.

Прибавил и еще кое-что.

В "Секрете" упоминается гимназист Людвиг Мейер по прозвищу Спиноза. У Чуковского был в Одессе знакомый Мейер, правда, Александр. "Он был сперва революционер, приносил мне пачки прокламаций, кот. я прятал в погребе, — потом стал нео-христианином"¹⁰⁴. Общего у них, кроме фамилии, только то, что оба немцы.

Но! По изменениям в переизданиях, по экземпляру "Гимназии" с авторской правкой для следующего издания видно, что Чуковский выбирал для своих героев имена очень тщательно. "Хацкель Кур", к примеру, по всему тексту указанного экземпляра зачеркивается; вместо него на стр. 3 на полях написано "Левка Печенкин", на стр. 46-й уже "Санька Печенкин", а остановился автор на "Ваське Печенкине"¹⁰⁵. Мадам Чумаченко стала мадам Шершеневич. Фамилия Тимоши трансформировалась так: Мочалов — Макаров — Макарьев — Макаров.

Мейер, как и доктор Копп, прошел через все издания без изменений.

Настоящий Александр Александрович Мейер — профессор Лесгафтского института, философ, культуролог, публицист — был в 1928 г. арестован и приговорен к расстрелу. Спасло его вмешательство А. Енукидзе, с которым они были знакомы по работе в подпольной бакинской типографии в 1904 г. Расстрел заменили лишением свободы и ссылкой, из которой Мейер вернулся в 1935 г.¹⁰⁶, за два года до написания "Секрета".

"Гимназия" дополняется эпизодами, усиливающими сходство книжного Мейера с реальным.

В повести: "Странная у него дружба с Иглицким: чуть они встретятся, тотчас начинают говорить о непонятных вещах"¹⁰⁷. Д.С. Лихачев о Мейере: "Он был способен, встав утром с постели, тут же начать разговор с соседом на общие философские темы"¹⁰⁸. (Здесь приходит на память дневниковая запись Чуковского об Александре Александровиче: "Иногда приходил ко мне ночевать и нудными словами пытался обратить меня в православие"¹⁰⁹, — может, Мейер начинал рассуждать о религии именно так — чуть только встав с постели?) Если сравнить другие отзывы Лихачева о Мейере: "он больше состоял из мыслей, чем из тела", "где бы он ни появлялся, вокруг него возникала интеллигентная моло-

дежь", "артистизм мыслителя, обаяние учителя были свойственны ему в высшей степени"¹¹⁰, — с описанием гимназиста Спинозы: "у него есть способность превращать всякое место, куда бы он ни попал, в ученый кабинет или в читальню"¹¹¹, "он читает всегда и везде, в самых неподходящих местах: в булочной, в купальне, на кладбище, и потому кажется мне самым ученым и самым умным человеком на свете"¹¹², — то впечатление полностью совпадает.

В "Гимназию" добавлено имя еще одного "врага народа": Кобецкий.

Михаил Вениаминович Кобецкий — одноклассник Чуковского и Житкова, закончил гимназию с золотой медалью¹¹³. Из Новороссийского университета был исключен за участие в студенческих беспорядках¹¹⁴. Член РСДРП с 1903 г. В 1920-1921 годах — секретарь Исполкома Коминтерна (председателем был Г. Зиновьев). С 1924 г. на дипломатической работе¹¹⁵. В 1937 г. расстрелян¹¹⁶. А в 1938 году его имя введено во вторую редакцию повести¹¹⁷. Это в то время, когда, как минимум, затушевывались фамилии в уже изданных книгах. (В. Юренева в "Воспоминаниях актрисы", изданных в 1946 г., своего бывшего мужа Ал. Вознесенского называет "журналист В."¹¹⁸. А он стал бывшим задолго до ареста.)

Неведеньем такое дополнение объяснить нельзя хотя бы потому, что Житков был женат на племяннице Кобецкого, а Корней Иванович и Лидия Корнеевна поддерживали отношения с этой семьей все годы¹¹⁹.

Что это? Дань дружбе и уверенность, что никакой логики в репрессиях нет и, если захотят посадить, то отсутствие компромата не спасет? Но дневник Чуковский явно вел с учетом того, что его будет читать какой-нибудь соглядатай. Значит, сознательно играл с огнем?

В 1939 году Чуковский писал Т. Габбе: "Я хотел послать Вам "Гимназию", но у меня нет ее под рукой.

Хочу круто переделать ее для второго издания"¹²⁰.

Какие коррективы имел в виду Корней Иванович — пока не разгадано. В 1940 году книга вышла с мелкими и неприципиальными поправками: "круглая легкая и звонкая"¹²¹ жестянка заменена на "мятую и ржавую"¹²², исключен абзац о желании отведать икры¹²³ и т.п. Заметное изменение одно: он убрал приложение ("Царь", "Министр" и "Кухаркины дети"), появившееся в предыдущей редакции.

А вот в следующий раз, в 1961 г. книга выходит радикально переделанная и называется уже "Серебряный герб". Интересно, что третье издание готовилось не по второму, а по первому¹²⁴.

Чуковский исключил из повести большинство эпизодов унижений

и обид, в том числе самые драматические, а рассказ о мамином секрете свернул в одно предложение, сформулировав его предельно бесстрастно.

Почему автор убрал из книги то, из-за чего он ее написал?

Сам он не объясняет. Просмотр прессы того периода практически не дал результата: литературные критики очень редко касались творчества живых писателей. Большинство статей было о Пушкине, Крылове, Горьком... О писателях с утвержденной репутацией. Чуковский к таким никогда не относился.

Направление поиска подсказала опубликованная в 1950 г. обзорная статья А. Марголиной "Советская повесть о детстве": "Непропорционально большое место, отведенное в повести "тайне" героя — его "незаконному" рождению тоже наводит на мысль о дурных литературных традициях.

Отчасти это объясняется, очевидно, погоней за внешней занимательностью (тайна!!!), от которой тогда еще не успела отвыкнуть наша детская литература. Но, как бы там ни было, выпячивание трагедии незаконнорожденности приводит к вредному смещению. Порой создается впечатление, что если бы мать героя была такой же прачкой, но замужней, ей бы жилось совсем недурно. Так тема менее значительная и трактуемая в духе либеральной литературы о бедных сиротках ущемляет широкую социальную тему"¹²⁵.

Такая странная оценка вызвала подозрение, что причину переработки повести нужно искать очень далеко от литературы, возможно, в истории брачно-семейного законодательства.

Дети, родители которых не состояли в браке, до революции назывались "незаконными"¹²⁶. (При крещении в метрической книге к имени младенца так и приписывали: "Незаконнорожденный". Либо после имени матери добавляли: "Незаконно родила"). Они не имели права не только на алименты, но даже и на отчество.

В декабре 1917 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали два декрета, отменивших эту несправедливость и полностью уравнивших в правах всех детей¹²⁷. Это положение позже было закреплено в республиканских кодексах о браке и семье. Но 8 июля 1944 г. ПВС СССР издал указ с праздничным и обнадеживающим названием: "Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства", одна из статей которого предписывала: "Отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении

отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке"¹²⁸.

Эта статья как будто списана с "Секрета": "По законам того времени, никак нельзя было принудить отца моего, чтобы он выдавал моей матери деньги на пропитание детей. Хочет — выдаст. Не хочет — ничего не поделаешь! Отец освобождался от всяких обязанностей по отношению к своей незаконной семье"¹²⁹.

Оказалось, что Советская власть вернулась на позиции царизма. (Это положение просуществовало до 1968 г.¹³⁰). Горькие воспоминания о прошлом сделались вдруг обличением настоящего. Понятно, что переиздание книги в прежнем виде стало невозможным.

Если бы Чуковский категорически отказывался от каких-либо компромиссов, он перестал бы печататься еще в 20-х годах. Но жить-то надо было.

Дневник. "Май 1949 г. Если бы не болезнь М[арии] Б[орисовны] и не нужда в деньгах, ни за что не согласился бы я на такую обработку статьи.[...] Она так искажена, что мне больно держать ее в руках"¹³¹.

"5 мая 1959 г. Опять у меня нет пристанища. Из детской литературы вышибли, из критики вышибли, из некрасоведения вышибли"¹³².

14 августа 1960 г. появляется запись: "Я вожусь с "Гимназией" и вижу свою плачевную бездарность: бессонницы и старчество"¹³³. 11 февраля 1961 г.: "Завтра будут у меня Алянский и Цейтлин с рисунками к "Серебряному гербу"¹³⁴.

Работа Цейтлина Чуковскому не понравилась¹³⁵. ("Корнею Ивановичу очень хотелось, чтобы я проиллюстрировал его повесть "Серебряный герб", — вспоминал Н. Кузьмин. — Я не успел этого сделать"¹³⁶). Заново оформленная, книга лишилась портретного сходства иллюстраций: рисунки к "Секрету" и "Гимназии" были сделаны К. Клементьевой по семейным фотографиям¹³⁷.

Кроме многочисленных переименований и изъятия эпизодов, "ущемляющих широкую социальную тему", в новой редакции Чуковский добавил главы о продажности царского правосудия, что, в конечном итоге, сделало повесть классово-обличительной.

Он воспользовался "внутренними резервами": в качестве цитат из поэмы "Гимназиада" привел выдержки из "Нынешнего Евгения Онегина"¹³⁸.

С незначительными поправками (двух тождественных переизданий у Чуковского нет) повесть вышла в 1963 г., а потом была включена в готовящийся шеститомник. И вот что писал об этом автор: "1964 г. 2 июля.

Пришла верстка 1-го тома Собр. моих сочинений [...]. "Серебряный герб" мне по-прежнему отвратителен: это самая слабая, самая неоригинальная из моих книг. [...] "Бибигон" и "Серебряный герб" — единственные вещи, которые я писал без азарта, равнодушно и вяло"¹³⁹. "1965 г. 30 марта. Приходят чистые листы моего первого тома. Я очень сержусь на себя, что включил туда банальный "Серебряный герб"¹⁴⁰.

Но, несмотря на это, повесть была издана при жизни автора еще раз в 1966 г.

***

Живший так недавно, всем известный, Чуковский кажется ясным, как его сказки. Однако, чем больше о нем узнаешь, тем больше возникает вопросов. К нему вполне применимы слова, сказанные по другому поводу: "Нет маски более загадочной, чем это открытое лицо"¹⁴¹.

¹ Л. Либединская. Литературу надо любить!.. — В кн.: Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1983, с. 175.

² Советские писатели: Автобиографии. М., 1959, т. 2, с. 639.

³ К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 147.

⁴ Там же, с. 148.

⁵ Из письма К. Чуковского сыну Николаю: "...Язык, которым я стал заниматься в 17 лет". (Жизнь и творчество Корнея Чуковского. М., 1978, с. 184).

⁶ ГАОО. Ф. 2, оп. 8. — Ед. хр. 717, л. 20, об. 21.

Маруся в это время жила отдельно, т.к. получила должность помощника воспитателей епархиального училища "со столом и квартирой" (Отчет о состоянии Одесского епархиального училища за 1896/7 гг.).

В графе "родной язык" под словом "русский" объединялись великорусский, малорусский и белорусский.

⁷ См. запись о венчании.

⁸ В "Одесских новостях" от 13 июня 1903 г. на с. 1 опубликована заметка К. Чуковского "Шаблонная новизна" о берлинской выставке, датированная 6(19) июня.

⁹ К. Чуковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 272.

¹⁰ ГАОО. Ф. 2, оп. 1. — Ед. хр. 3075, л. 36.

¹¹ ГАОО. Ф. 37, оп. 13. — Ед. хр. 592, л. 50, об. 51. Тот же М. Марченко крестил В. Катаева и Е. Петрова.

¹² К. Чуковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 37.

¹³ Списки домовладельцев с 1875 по 1905 годы.

В дневнике Чуковского есть запись от 02.03.01: "Дал урок Вельчеву, пошел к Косенко.

- Познались с ним, наведались к Надежде Кирилловне". См. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 10.
- Надежда Кирилловна Марси — мать С.Г. Марси. Она жила в доме № 6 по Ново-Рыбной ул. со своей младшей сестрой, вдовой Марсеей Коженко и ее сыновьями: Кирилком и Иваном. (ГАОО. Ф. 2, оп. 8. — Ед. хр. 1535, л. 2, об. 3).
- 14 ГАОО. Ф. 2, оп. 2. — Ед. хр. 3033, 2958 на многих листах.
- 15 Одесские новости. 1903, 14 августа, с. 3.
- 16 Одесские новости. 1907, 18 июля, с. 3.
- 17 Вся Одесса на 1908 год. Одесса, 1908, с. 436.
- 18 К. Чуковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 19.
- 19 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 148.
- 20 Там же, сс. 221, 224.
- 21 ГАОО. Ф. 2, оп. 8. — Ед. хр. 1532, л. 12, об. 13.
- По данным переписи населения 1897 г. в кв. № 6 дома Тарнопольского (№ 2) по Ново-Рыбной улице проживала семья одесских мещан: Гольдфельд Арон Берг Рувимович, 60 лет, бухгалтер частной конторы, грамоте обучался в гимназии; его жена — Губа Ойзеровна, 45 лет, обучалась дома; сыновья: Абрам, 25 лет, обучался в коммерческом училище, частный пьезомоводитель, Александр, 18 лет, обучался в реальном училище (некоторое время в одном классе с Д. Троицким) и Ойзер 5 лет; дочери: Марья 16 лет, обучалась в частной гимназии; Анна, 14 лет, обучалась в народном училище; Юдифь 21 год, Розанна 11 лет и Наталья 9 лет, обучались дома. Все уроженцы Одессы, иудейского вероисповедания, родной язык — еврейский.
- 22 О. Прудлова. Он был ни на кого не похож. — В кн.: Воспоминания о Корнсе Чуковском. М., 1983, с. 327.
- 23 Там же.
- 24 ГАОО. Ф. 37, оп. 13. — Ед. хр. 568, л. 29, об. 30.
- 25 ГАОО. Ф. 37, оп. 13. — Ед. хр. 568, л. 83, об. 84.
- 26 О.И. Рябенко была учительницей церковно-приходской школы при епархиальном училище уже тогда, когда помощницей воспитательницы туда поступила Маруся. (Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1903 год. Одесса, 1903, с. 410.
- Отчет о состоянии Одесского епархиального женского училища за 1894/5 учебный год. — Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям. Одесса, 1896, № 12, с. 325).
- 27 ГАОО. Ф. 2, оп. 8. — Ед. хр. 2030, л. 8, об. 9.
- 28 ГАОО. Ф. 2, оп. 1. — Ед. хр. 3075, л. 26.
- Об Ал. Вознесенском см. биографический словарь "Русские писатели. 1800-1917". М., 1989, т. 1, сс. 458-459.
- 29 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 450.
- 30 Там же, с. 408.
- 31 Д. Копан. Чуковский начинался в Одессе. — Вечерняя Одесса, 1982, 30 марта, с. 3.

- 32 К. Чуковский. Собрание сочинений. М., 1965, т. 1, с. 7.
- 33 А.А. Лебединцев. Исторический очерк Одесской 2-й гимназии. Одесса, 1882. Список лиц, служавших в Одесском учебном округе на 1895/6 год. Одесса, 1896, с. 143.
- 34 Список лиц, служавших в Одесском учебном округе на 1896/7 год. Одесса, 1897, с. 111.
- 35 Одесский листок. 1898, 3 июня, с. 3.
- 36 К. Чуковский. Борис Житков. — В кн.: К. Чуковский. Современники. М., 1967, с. 68.
- 37 Жизнь и творчество Бориса Житкова. — В кн.: Сборник статей. М., 1955, с. 440.
- 38 М. Петровский. Читатель. — В кн.: Воспоминания о Корнсе Чуковском. М., 1983, с. 383.
- 39 1 декабря 1897 г. в Скорбященской церкви крестьяни сына губернского секретаря Андрея Никифоровича Ковриги и его жены Марии Леонтьевны, учительницы (с 1907 г. содержательницы и преподавателя французского и немецкого языков женского училища Ковриги). Воспреемниками были жена члена Кишиневского окружного суда Татьяна Павловна Нежская и "ученик гимназии сын мещанина Николай Мануилов Корнейчуков". (ГАОО. Ф. 37, оп. 13. — Ед. хр. 356, л. 70, об. 71).
- 40 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 148.
- 41 ГАОО. Ф. 45, оп. 5. — Ед. хр. 4728, л. 8.
- 42 Одесские новости. 1903, 14 июня, с. 3.
- 43 К. Чуковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 11.
- 44 В. Жаботинский. Повесть моих дней. Иерусалим, 1989, сс. 14, 15.
- 45 Там же, сс. 12, 13.
- 46 К. Дзоявская. Записки секретаря. — В кн.: Воспоминания о Корнсе Чуковском. М., 1983, с. 228.
- 47 К. Чуковский. Как я стал писателем. — Юность. М., 1970, № 1, с. 78.
- 48 В. Жаботинский. Повесть моих дней. Иерусалим, 1989, сс. 35-36.
- 49 Н. Осипович. Один из сволк. — Катора и селька. М., 1924, № 9, сс. 81-84.
- 50 М. Золотоносов. Не "девушка Корней", а именно "белый волк". Санкт-Петербургский университет, 1998, № 13.
- 51 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 354.
- 52 А. Резников. Путем взаимной переписки. — Вести-Север, Хайфа, 2000, 7 июня, с. 16.
- 53 Одесский листок. 1898, 4 января, с. 1.
- 54 О. Козьявлова, Р. Шувалов. Жаботинский в Одессе. — Слово. Одесса, 1995, 20 октября, с. 6.
- 55 Д. Чуковская. Памяти детства. Санкт-Петербург, 2000, сс. 161, 164.
- 56 К. Чуковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 522.
- К Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 533.
- 57 Вся Одесса на 1911 г. ч. А, с. 157.
- 58 Список лиц, служавших в Одесском учебном округе на 1911/12 гг. Одесса, 1911, ч. 2, с. 364.
- 59 Вся Одесса на 1914 г. Алфавитный указатель. С. 251.
- 60 ГАОО. Ф. 37, оп. 13. — Ед. хр. 1014, л. 24, об. 25.

61 Не законнорожденные сами по себе не были явлением из ряда вон выходящим. В каждой метрической книге они составляли 15-20% от общего числа крещеных детей. Не регистрировали брак официально по многим причинам: мешала принадлежность к разным конфессиям, обязательным было согласие родителей, особое разрешение на брак требовалось студентам и мн. др. Но потом все можно было уладить.

А отец Чукковского Екаторину Осиповну с двумя маленькими детьми бросил.

62 Д. Чукковская. Памяти детства. Санкт-Петербург, 2000, с. 161.

63 К. Чукковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 323.

64 ГАОО. Ф. 16, оп. 63. — Ед. хр. 9, л. 110-114, об.

65 Я. Майстровой. Улицы Одессы. Одесса, 1998, с. 120.

66 В. Шубин. Все, что он делал, было весело и талантливо. — В кн.: Одним дыханием с Ленинградом, 1989, с. 250.

67 Все Петербург на 1894 год. сс. 190, 270.

68 К. Чукковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 323.

69 Аграфит од. почетных граждан.

"77. Доктор медицины

Потомств. почет. Гражд.

Соломон Михайлов

Девенсон

жена его

сыновья их:

По постановлению Ракпорадит.
Думы 15 декабря 1872 г.

Луиза Вольфова в 1880 г. 48 лет

Эмануэль паспорт 21-го апреля 1879 года за № 3580*

Герш, он же Григорий (принят православную веру)

Давид-Данил в 1880 г. 24 года**

Мордка /Маркус/

Ульрих в 1880 г. 20 лет

Генриета

София в 1880 г. 11 лет

Розалия в 1880 г. 9 лет

дочери их:

вместо возвращенного бессроч. паспорта за № 3580 выдан другой сроком на один год

26-го марта 1888 года за № 3720.

**жена Давида-Данила Софья внесена согласно постановлению управления 9 января 1895 г. [...]".

ГАОО. Ф. 16, оп. 125. — Ед. хр. 2, л. 55.

70 Этот факт совсем выветрился из памяти. В комментариях к последнему изданию повести сказано, что впервые она вышла под названием "Тымазая". (К. Чукковский.

Собрание сочинений в 15 тт. М., 2001, т. 2, с. 632.

71 К. Чукковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 149.

72 Там же, с. 151.

73 Там же, с. 154.

74 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 4, с. 85.

75 Там же.

76 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 2, с. 32.

77 К. Чукковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 323.

78 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 4, с. 86.

79 Одесские новости. 1904, 25 декабря, с. 2.

80 К. Чукковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 11.

81 Адресная и справочная книга г. Одессы на 1896 г. Одесса, 1896, с. 186.

82 К. Чукковский. Секрет. — Пионер. М., 1938, № 2, с. 27.

83 Адресная и справочная книга г. Одессы на 1896 г. Одесса, 1896, с. 142.

84 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 4, с. 82.

85 Список лиц, служавших в Одесском учебном округе на 1899/1900 гг. Одесса, 1900, с. 75.

86 Там же.

87 Там же.

88 В 1898 г. С. Блохин есть в списке закончивших шестиклассную мужскую

гимназию. В 1900 — С. Блохин с золотой медалью закончил 5-ю гимназию. См.

Одесский листок, 1898, 3 июня, с.3 и Одесские новости, 1900, 7 июня, с. 3.

89 Т. Габбе. Повесть о детстве и повесть для детей. — Литературный критик. М., 1939,

кн. 8-9, с. 158.

90 К. Чукковский. Борис Житков. — В кн.: К. Чукковский. Современники. М., 1969, сс. 77-78.

91 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 4, с. 93.

92 К. Чукковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 323.

93 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 2, с. 37.

94 Курьёсы — район Одессы.

95 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 4, с. 85.

96 Там же, с. 86.

97 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 3, с. 62.

98 К. Чукковский. Секрет — Пионер. М., 1938, № 4, с. 83.

99 Там же.

100 К. Чукковский. Секрет. — Пионер. М., 1938, № 2, с. 22.

101 К. Чукковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 381.

102 М. Ашпер. Долгие прогулки. — В кн.: Воспоминания о Корнеле Чукковском. М., 1983, с. 291.

103 К. Чукковский. Тымазая. М.-Л., 1938, с. 33.

104 К. Чукковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 244.

Подробнее о Мейере в Одессе см. мою статью "Из семьи забытых" (Вечерняя Одесса,

2001, 19 апреля, с. 4).

105 Книга экспонируется в Одесском литературном музее.

- 106 В.П. Троицкий. ...Ибо думатье наш удел и наше оружие. — Вопросы философии. М., 2000, № 3, с. 84.
- 107 К. Чуковский. Гимназия. М.-Д., 1938, с. 71.
- 108 Д.С. Лихачев. Аг.Аг. Мейер. — Вопросы философии. М., 1992, № 7, с. 92.
- 109 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 244.
- 110 Д.С. Лихачев. Аг.Аг. Мейер. — Вопросы философии. М., 1992, № 7, сс. 92, 93.
- 111 К. Чуковский. Гимназия. М.-Д., 1938, с. 71.
- 112 Там же.
- 113 Одесские новости. 1900, 7 июня, с. 3.
- 114 Г. Черненко. Вечный Колумб. Д., 1982, с. 43.
- 115 А. Бармин. Соколы Троицкого. М., 1997, с. 488.
- 116 К. Чуковский. Дневник (1901-1929). М., 1991, с. 521.
- 117 К. Чуковский. Гимназия. М.-Д., 1938, с. 69.
- 118 В. Юренева. Воспоминания актрисы. М.-Д., 1946, с. 67.
- 119 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 125.
- 120 Вопросы литературы. М., 1972, № 1, с. 168.
- 121 К. Чуковский. Гимназия. М.-Д., 1938, с. 16.
- 122 К. Чуковский. Гимназия. М.-Д., 1940, с. 14.
- 123 К. Чуковский. Гимназия. М.-Д., 1938, с. 17.
- 124 К. Чуковский. Гимназия. М.-Д., 1940, с. 15.
- 124 Изменения, внесенные в экземпляр 1938 г., в издании 1940 г. отсутствуют.
- (Предводитель враждебной компании по-прежнему Халкель Кур и т.д.). Эти поправки вошли в текст 1961 г. А сделанные во втором издании книги — отменены. Например, жестыка опять "круглая, легкая и звонкая"...
- 125 А. Марголина. Советская повесть о детстве. — В кн.: О детской литературе. Сборник статей. М., 1950, с. 191-192.
- 126 Свод законов Российской Империи. Стб, 1857, т. 10, ч. 1, сс. 27-28.
- 127 Советское семейное право. Киев, 1981, сс. 31, 32.
- 128 Сборник нормативных материалов по советскому семейному праву. М., 1965, с. 54.
- 129 К. Чуковский. Секрет. — Пионер. М., 1938, № 4, с. 94.
- 130 Основы законодательства Союза ССР и Союзных республик о браке и семье. М., 1968, с. 18.
- 131 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 188.
- 132 Там же, с. 285.
- 133 Там же, с. 291.
- 134 Там же, с. 300.
- 135 Там же, с. 308.
- 136 Н. Кузьмин. Давно и недавно. М., 1982, с. 300.
- 137 Это видно из сравнения фотографии Екатерины Осиповны, опубликованной в

- "Дневнике (1901-1929)", с рисунком в "Пионере" № 2 за 1938 г. на стр. 30. Бросается в глаза сходство героя повести, изображенного Клементьевой, с Чуковским.
- 138 К. Чуковский. Серебряный терб. М., 1961, с. 129.
- Одесские новости. 1904, 25 декабря, сс. 2-3.
- 139 К. Чуковский. Дневник (1930-1969). М., 1995, с. 358.
- 140 Там же, с. 368.
- 141 М. Шапкин. Собр. соч. М., 1973, т. 5, с. 344.

